

А.М.Филитов

политика

ГЕРМАНСКАЯ НАЦИЯ И ГЕРМАНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ¹

¹ Статья подготовлена в рамках двухтомной монографии по указанной проблематике, выход которой предполагается в 2005 г.

² Plessner H. *Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes.* Frankfurt am Main, 1974. Первое издание книги появилось в 1935 году.

³ Berschin H. *Deutschlandbegriff im sprachlichen Wandel // Weidenfeld W., Korte K.-R. (Hg.). Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999.* Bonn, 1999. S. 218.

⁴ Hattenhauer H. *Nationalsymbole // ibid., S. 579–580.*

Понятие «германской нации» появилось парадоксальным образом раньше появления самого этого исторического феномена. С начала XVI века название основанного в 982 г. на обломках империи Карла Великого государственного (а по мнению некоторых экспертов даже «надгосударственного») образования – «Священной Римской империи», – трансформировалось в более развернутое: «Священная Римская империя *германской нации*». Однако, фактическое историческое развитие пошло вразрез с этим семантическим новшеством. По условиям Вестфальского мира (1648 г.) было законсервировано состояние феодальной раздробленности, в условиях которого не могло возникнуть ни единой немецкой нации, ни единого национального сознания. В немецкой историографии достаточно прочно укоренилась идея о немцах как «запоздалой нации»². По поводу хронологических рамок ее складывания существуют различные точки зрения.

Один из авторов выпущенного недавно немецким «Федеральным центром политического образования» учебного пособия называется в этой связи период 1770–1830 гг. («время Гете»)³. Эта датировка выглядит довольно спорной и даже парадоксальной. Во-первых, сам Гете как раз выражал сомнения в возможности того, что мечты немцев стать нацией когда-либо осуществятся, а во-вторых, если его прогноз и был опровергнут еще при его жизни, то лишь постольку, поскольку речь шла о нации как культурной общности (Kulturnation). Если же говорить о немецкой нации как политической реальности, то ее возникновение следует отнести скорее ко второй половине XIX века. В этом отношении представляется обоснованным следующее суждение другого автора того же пособия:

«До середины XIX века нациями являлись земли (Пруссия, Бавария, Австрия и т. д.), в то время как Священная Империя, с ее разнобразием и полнцентризмом, не представляла собой ни нации, ни государства в современном смысле слова... Только примерно через двадцать лет после создания Бисмарком малогерманского рейха (1871 г.) возникло – примерно около 1890 г. – общегерманское национальное сознание, охватывающее все входившие в федерацию государства»⁴.

Каким образом из отдельных земель (нациями их вряд ли можно назвать, в крайнем случае – «протонациями») удалось за сравнительно короткий период создать единую нацию с весьма сильным – и даже гипертрофированным в сторону национализма – национальным сознанием? Обычный ответ на это – «железом и кровью». Так определил свой метод решения политических проблем подлинный создатель «Второй империи» – и первого немецкого национального государства – канцлер Бисмарк. Действительно, история объединения Германии в XIX веке была историей войны, которые вела против своих соседей Прусская монархия, и сам процесс создания единого германского государства был процессом утверждения главенства Пруссии над остальными немецкими землями при исключении из «немецкой семьи» мощного соперника за гегемонию – Габсбургской монархии. Победа Пруссии была предопределена многими факторами: высоким уровнем экономического развития, образцовой (по тогдашним европейским стандартам) системой образования, и не в последнюю очередь тем обстоятельством, что Пруссия по территории и численности населения превосходила все остальные немецкие государства вместе взятые.

Однако, было бы, очевидно, неверно сводить процесс создания немецкой нации исключительно к насилью прусского центра над непрусской периферией. Такие проекты и тенденции имели место. Ярким выразителем их был наследник престола, принц Фридрих, который планировал «разогнать» еще остававшихся в Германии монархов и создать полностью унитарное государство. В этом его поддерживали круги германской либеральной буржуазии. Однако, сам действовавший монарх – прусский король Вильгельм, и его консервативное окружение были против и повели свою линию: германский рейх стал фактически федерацией 25 «союзных» субъектов (22 королевства и княжества плюс 3 «вольных города»), а процесс создания дееспособного централизованного государства и преодоления партикуляризма пошел не путем грубого администрирования, а путем применения достаточно гибких мер, рассчитанных на действие экономических факторов. Показательный пример: до образования рейха на территории Германии действовали 33 эмиссионных банка; только после принятия закона 1875 г. они были поставлены под контроль рейхсканцлера, сохранив при этом право выпуска собственных денежных знаков; поскольку однако таковые не принимались к оплате за пределами сферы деятельности данного конкретного банка, спрос на них по мере развития общегерманского оборота автоматически падал, выпуск их сокращался, пока не прекратился совсем, оставив рейхсмарку единственной денежной единицей⁵.

Разумеется, нет оснований идеализировать вильгельмовский метод построения нации. Прежде всего надо отметить, что мягкость и «деликатность» в обращении центра с периферией объяснялась не

⁵ Loth W. *Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und politische Mobilisierung*. München, 1996. S. 45–46.

демократическим правосознанием, а исключительно монархической солидарностью: германский император, он же король Пруссии понимал, что подрыв авторитета прочих немецких династий неминуемо скажется и на его собственном авторитете, нанесет ущерб принципу легитимизма. Внутри Пруссии ни о каком «федерализме» речи не было; более того – проводилась политика дискриминации и ассимиляции национальных меньшинств – поляков, французов (в аннексированной Эльзас-Лотарингии) и не в последнюю очередь – евреев. В результате национальная идея в ее официальной ипостаси приобрела в Германии черты агрессивной нетерпимости по отношению ко всем остальным нациям и национальностям – как внутри Германии, так и вне ее. Французов следовало считать врагами, потому что они не смирились с отторжением Эльзас-Лотарингии, англичан – потому, что они забрали слишком много колоний и господствуют на море, русских – потому что они вступили в союз с Францией и замкнули «петлю окружения» вокруг Германии... Многие из соответствующего вокабуляра вошло и в идеологию оппозиции: на страницах социал-демократической печати перед первой мировой войной можно было найти немало обличений по адресу «английского империализма» (о немецком стыдливо умалчивали), а антироссийская риторика обеспечила голосование фракции СДПГ за военные кредиты 4 августа 1914 г. Однако, национальное самоутверждение на основе «образа врага» стало одним из факторов, приведших к войне на два фронта и катастрофическому поражению в Первой мировой войне.

Этот исторический итог – веский аргумент против теоретической посылки, согласно которой национальное сознание включает в себя в качестве неперемennого компонента не только коллективную гордость за достижения своей нации и коллективную печаль по поводу ее неудач, но и определенную толику ксенофобии – высокомерно-враждебного отношения к прочим нациям⁶. Можно согласиться с тем, что искусственное стимулирование подобных массовых настроений способно принести некоторый эффект в смысле «сплочения», или «мобилизации» (В.Лот) нации, однако этот эффект можно сравнить с эффектом наркотика: в конечном счете он ведет к деформациям и разрушению организма⁷. Обращаясь вновь к конкретному опыту вильгельмовского рейха, стоит заметить, что, положим, широкое распространение там антианглийских комплексов резко сузило для политического руководства страны возможности маневра даже в тех случаях, когда оно желало достичь «разрядки» в германо-британских отношениях (показательные примеры: ситуация в период англо-бурской войны и история с интервью Вильгельма «Дейли Телеграфу»).

В период Веймарской республики, возникшей в результате Ноябрьской революции 1918 года, была предпринята попытка освободить национальное самосознание от груза реакционно-шовинисти-

⁶ Shafer B.C. *Nationalism, Interpreters and Interpretations*. New York, 1966.

⁷ Этот «наркотик» начал распространяться в Германии еще с начала XIX века – вначале в виде антифранцузского аффекта, а затем – во все возрастающей степени в виде руссофобии, которая захватила широкие круги либеральной и прогрессивной интеллигенции – включая и основателей марксизма (см. подробнее: Заиченко О.В. *Образ России в Германии в первой половине XIX века* (на материале либеральной публицистики) // *Россия и Германия*. Вып. 2. Отв. ред. Б.М. Туполева. М., 2001, с. 92–109). Как это зачастую бывает, дефицит национального бытия и сознания немецкие патриоты компенсировали имперскими амбициями и мечтами о территориальной экспансии. Достаточно вспомнить первую строфу «Песни немцев» Хофмана фон Фальтерслебена, где речь идет о «Германии от Мааса до Мемеля и от Эчча до Бельта»

ческих идей. Однако эта попытка свелась, главным образом, к изменениям в государственной символике, притом довольно непоследовательным. Прежний черно-бело-красный флаг был заменен на черно-красно-золотой – флаг революции 1848 г., однако для торгового флота был оставлен прежний флаг. Новый президент республики фельдмаршал Гинденбург попытался расширить сферу применения старого кайзеровского флага и в конечном счете объявил вопрос вообще открытым.

Неудачной оказалась попытка введения общенационального праздника – Дня конституции; рабочие продолжали отмечать свой праздник – 1 мая, консервативно настроенные слои населения – день создания Второй империи – 18 января. Вместо объединения нации углубился ее раскол.

Желая подчеркнуть разрыв с традициями монархического режима, когда в стране воздвигались бесчисленные монументы, учреждались все новые и новые ордена и знаки отличия, республиканские власти ограничились за весь период существования республики созданием одного – единственного мемориала («Новой вахты» на Унтер-ден-Линден в Берлине) и вовсе отказались от практики присуждения каких-либо государственных наград. Это однако привело к ситуации «дефицита символики», что было эффективно использовано нацистской пропагандой для нападок на «антинациональную» и «бездуховную» сущность Веймарской республики.

Пропаганда «национальных ценностей» достигла своего максимума во время фашистской диктатуры (1933–1945 гг.). Нельзя сказать, что эта пропаганда была безуспешной. Широким народным массам удалось внушить представление о немецком «народном сообществе», в котором якобы преодолен классовый антагонизм, а также о превосходстве немецкой нации над всеми прочими и ее миссии установить «новый порядок» в Европе и мире. Вовлечение значительных слоев немецкого населения в преступления режима периода второй мировой войны – либо в качестве прямых соучастников, либо в качестве получателей награбленной добычи – стало существенной скрепой, связывавшей немцев с их правителями. Это – одно из объяснений упорного сопротивления вермахта даже в условиях, когда очевидной стала его бессмысленность. Пожалуй, никогда в истории Германии (и скажем даже шире – в мировой истории) не удавалось добиться такой степени «единства нации», но цена такого «достижения» оказалась непомерно высокой, а последствия – катастрофические, прежде всего для самой немецкой нации.

У нас в прошлом часто говорилось, что в период фашизма национальную идею в ее подлинном смысле представляли немногочисленные противники режима, участники Сопротивления. Отдавая дань их мужеству, позволим себе внести некоторое ограничение на этот тезис: фактически налицо были лишь различные *идеи*, проекты, размышления о будущем Германии; ни о какой последовательной, а

тем более единой системе взглядов речи не было. Разные группы Сопротивления ориентировались на разные державы антигитлеровской коалиции, каждая из которых, разумеется, руководствовалась прежде всего своими собственными национальными интересами. Учитывая тяжесть преступлений гитлеровских агрессоров и степень взаимного недоверия между союзниками, в условиях 1945 года мало кто бы протестовал против расчленения Германии на ряд малых государств или даже ликвидации германской государственности в принципе. То, что державы – победительницы не пошли по этому пути, остается огромной и до сих пор мало оцененной заслугой антигитлеровской коалиции. Германской нации был предоставлен шанс возродиться на новой, демократической базе, или, говоря словами Потсдамского соглашения, «с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира»⁸.

⁸ См. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) М., 1984, с. 450.

Как был использован этот шанс? В общей форме можно сказать – далеко не по максимуму. Впрочем, этого можно было ожидать. Во-первых, четыре оккупационных державы каждая по своему толковала принципы и установки Потсдама, что вело к расколу страны и объективно – к расколу национального сознания. Во-вторых, в первые послевоенные годы, в обстановке оккупации и хозяйственной разрухи произошла известная «атомизация» общества, когда вопрос о выживании каждой отдельной личности или семьи оттеснил на задний план все прочие вопросы, в том числе и национальный. Наконец, последнее по счету, но не по значению: чудовищное злоупотребление понятиями «нация», «национальное» в период фашизма вызвали в послевоенной Германии вполне объяснимую реакцию отторжения. Можно сказать, что тотальное поражение Германии в развязанной ею войне привело к столь же тотальной компрометации соответствующих ценностей, традиций и символов.

Разумеется, этот процесс с разной степенью интенсивности и глубины проявился в разных политико-социальных общностях. Есть мнение, что наиболее сильно он затронул те круги немецкого социума, которые обычно получают несколько расплывчатую, но, в общем вполне когерентную характеристику «левых». Разделяют его – в порядке самокритики – порой и некоторые представители этих самых «левых». Приведем в этой связи любопытный обмен мнениями между Гюнтером Гаусом – известным публицистом, одно время дипломатом⁹, а в последнее время – издателем одного из самых читаемых органов неконформистской интеллигенции ФРГ – еженедельника «Фрейтаг» – и близкой ему – хотя, как увидим, не во всем – по взглядам журналисткой Марианной Регенсбургер:

(Г.Гаус): «Я был очень давно обеспокоен тем, как бы левые интеллектуалы в старой Федеральной Республике¹⁰ не отдали национальную тему на откуп и злоупотребление правым, и я старался сделать все, чтобы этого не случилось».

⁹ В 1974–1981 гг. Г.Гаус был постоянным представителем ФРГ (фактически – послом) в ГДР.

¹⁰ «Старая Федеральная Республика», или «старые земли» – обычное обозначение ФРГ в 1949–1990 годах, т. е. до объединения Германии

Марианна Регенсбургер: «...Хотелось бы высказаться на тему о левых и патриотизме. Слово «патриотизм» мне слегка претит, но то, что левые не интересуются Германией как таковой, – это в принципе вовсе не соответствует действительности, это просто так подается обществу. Левые в Федеральной Республике тоже очень основательно и критически занимались проблемой национального единства. Правильно ли изображать этот старый предрассудок так, как будто он отражает действительность?»

(Г.Гаус): «Фрау Регенсбургер, я вероятно недостаточно ясно выразился: я не утверждаю, что левые не занимались национальным вопросом, но в общественном сознании и в господствующем мнении, как Вы сами говорите, они уступили здесь место правым. Левым, к которым я и сам, разумеется, себя причисляю, всегда было в этом отношении труднее, поскольку они не выработали таких чеканных и всем понятных категорий, которыми оперировали правые»¹¹.

На первый взгляд, исторический анализ подтверждает скорее точку зрения М.Регенсбургер, чем Г.Гауса. Если говорить о «правых», то они еще до образования ФРГ и в первые годы ее существования взяли на вооружение не национальную, а «наднациональную» идею. Последняя нашла свое воплощение в различных ипостасях, в числе которых выделялись концептуальные модели единой «европейской нации» как части «большой семьи белых народов», пан-европейского «космополитизма» на основе теории «культурных кругов», «Евроафрики» (последняя концепция вылилась даже в фантастический проект понижения уровня Средиземного моря, дабы создать наземную связь между двумя континентами), «Европы – атомной державы» и др.¹² Германский историк Аксель Шильдт, приводя эти примеры из «европейского дискурса в Западной Германии 50-х годов», адекватно характеризует их сущность как варианты «еврофашистской» и колониалистской идеологии. Возможно, он несколько преувеличивает их удельный вес в спектре тогдашнего общественного сознания ФРГ, равно как и «смену парадигм» на рубеже 60-х годов, которая якобы знаменовала переход от экспансионизма к созданию внутриевропейского рынка, от колониализма к «сотрудничеству с афро-азиатскими народами»¹³. Если говорить о ведущих правых (или право-центристских) политиках ФРГ, то они, как правило, с самого начала старались всегда избегать всего, что могло бы вызвать ассоциации с прошлым германской экспансии, концентрируясь на экономической и военной интеграции «малой Европы» и делая особый акцент на сотрудничестве с Францией. Достаточно вспомнить экстравагантный проект Аденауэра о франко-западногерманской «унии», его поддержку «плана Шумана», заявления типа того, что он «больше европеец, чем немец», что он «не доверяет» своему народу, который нуждается в «узде» в виде либо объединенной Европы, либо НАТО...

¹¹ *Über Deutschland und die Deutschen.* Hg. v. J. Heise, H. Kreisig und M. Regensburger. Berlin, 2001. S. 49–50.

¹² Schildt A. *Europa als visionäre Idee und gesellschaftliche Realität. Der westdeutsche Diskurs in den 50er Jahren, in: Loth W. (Hg.) Das europäische Projekt zu Beginn des 21. Jahrhunderts.* Opladen, 2001. S. 103–104.

¹³ *Ibid.*

Тем не менее, многое говорит за то, что «европеизм» Аденауэра и его единомышленников был в значительной степени реалистической разновидностью немецкого национализма, можно сказать его производной в новых условиях. Верно, что руководимая ХДС/ХСС Западная Германия в сравнении с прочими странами Западной Европы дальше всех была готова пойти в воплощении принципа «наднациональности», что требовало отказа от национального суверенитета или, по крайней мере, его существенного (само)ограничения. Однако от ФРГ при этом никаких жертв не требовалось, ибо, будучи оккупированной страной, она этим суверенитетом попросту не располагала. Всегда легко отдавать то, чего не имеешь, особенно если есть перспективы, что за такую щедрость можно получить что-то весьма существенное. Именно это и получил Аденауэр – вначале доверие со стороны западных партнеров, а потом – тот самый суверенитет, который он ранее вроде бы был готов заложить в фундамент «единой Европы». В этом контексте есть все основания усомниться в искренности «печали» канцлера ФРГ по поводу скоростной кончины проекта «Европейского оборонительного сообщества» (ЕОС) в результате решения французского Национального собрания 30 августа 1954 г. Именно крах ЕОС открыл для ФРГ путь к вступлению в НАТО, освобождению от контроля со стороны младших европейских партнеров, созданию национальной армии, выход на положение привилегированного партнера блокового гегемона – США, наравне с Великобританией и явно выше Франции. Вряд ли такого статуса ФРГ могла достичь в рамках ЕОС.

Что касается поддержки со стороны ФРГ планов экономической интеграции Западной Европы, то и тут определяющим был не «надгосударственный», а именно национально-государственный момент: будучи экономически самым сильным звеном ЕЭС-ЕС, Западная Германия стала фактическим гегемоном этой экономической группировки, приобретая в ней статус, сравнимый с тем, которым располагали США в НАТО. В общем, можно сказать, что европеизм Аденауэра и его единомышленников был хорошей маскировкой их национализма, однако маскировка как раз предполагает отсутствие «чеканных» формулировок, и, если не считать упорного следования формуле «Германия в границах 1937 года», то таких у западногерманских правых по сути и не было.

Между тем, именно с этой формулой связано появление весьма яркого и неприятного «пятна» на национальном «платье» Аденауэра: его отказ от всяких попыток решения проблемы преодоления раскола Германии. Добившись суверенитета и равноправного, даже привилегированного статуса для западной части страны, он по существу «списал» 17 миллионов немцев к востоку от Эльбы и Верры. Пытаясь защититься от обвинений в национальном предательстве, Аденауэр выдвинул тезис о том, что «воссоединение» станет автоматическим следствием западной «политики силы», которая вынудит

СССР отказаться от своего восточногерманского сателлита. События 1989–1990 гг., казалось, подтвердили обоснованность этого самооправдания. Однако, это далеко не так. Объединение Германии было бы невозможно вне условий разрядки; именно «новая восточная политика», явившаяся антитезой аденауэровского курса, стала коренной причиной решения национального вопроса немцев.

Как известно, «новая восточная политика» стала детищем левых политических сил в ФРГ, прежде всего, социал-демократов, и если говорить о личностях, то в первую очередь надо назвать имена Эгона Бара как ее идейного вдохновителя и Вилли Брандта как ее практика и проводника. В этом смысле может вызвать некоторое недоумение результаты проведенного телевидением ФРГ опроса зрителей на тему «Кого вы считаете самым выдающимся немцем всех времен?». Первое место занял Аденауэр, а Брандту досталось лишь пятое¹⁴.

Можно расценить этот результат как подтверждение слов М.Регенсбургер о том, как может быть искажен образ истории специфической его «подачей общественности». Однако, видимо, следует обратить внимание и на замечание Г.Гауса, в котором содержится хотя и не явное, но подразумеваемое признание того, что и немецким «левым» есть о чем призадуматься, в частности, над вопросом, почему у общественности могло создаться представление об отсутствии у них ясной и недвусмысленной позиции в национальном вопросе.

Были ли основания для создания такого представления? Внешне все поначалу выглядело так, что по крайней мере немецкая социал-демократия как одна из самых мощных сил в «левом» спектре извлекла уроки из опыта Веймарского периода, когда СДПГ получила репутацию партии космополитично-«проантантовской» партии или во всяком случае недостаточно активно борющейся против Версаля и за «национальные ценности». После 1945 года, как пишет упомянутый выше Аксель Шильдт, «беспорный лидер западногерманских социал-демократов Курт Шумахер, который, как известно, назвал своего соперника Аденауэра «канцлером союзников», не позволял никому перешеголять себя в заявлениях приверженности интересам нации»¹⁵. Несколько ранее тот же автор отмечает: «После второй мировой войны немецкий национализм, если упорядочить это подчеркнуто заостренное понятие, проявил себя скорее в рядах левых оппозиционеров, ослабленных развитием антагонизма в мировой политике, чем в рядах консервативных правых, которые не могли и не хотели практиковать его после того катастрофического фиаско, которым окончился их полный иллюзий союз с национал-социалистским движением»¹⁶.

При внимательном прочтении эти две фразы уже дают ответ на поставленный нами вопрос. Политика СДПГ сводилась, во-первых, в значительной степени, именно к «заявлениям», а во-вторых, эти заявления носили не столько национальный, сколько националисти-

¹⁴ См. 29.11.2003. Первая десятка выглядела, судя по тому опросу, следующим образом: Аденауэр, Лютер, арке, брат и сестра Шолли (люмпенские студенты, распространявшие антифашистские листовки и казненные в ноябрь 1943 г.), Брандт, шах, Гете, Гутенберг, Бисмарк, Эйпштейн. *Neues Deutschland*, 29.11.2003.

Schildt A. *Op. cit.*, S. 102.

¹⁶ *Ibid.*

ческий характер. Шумахер по сути отрицал ответственность Германии за агрессивную войну, откуда естественно следовало отрицание законности новых границ Германии и ее обязанности возместить ущерб странам, ставшим жертвой гитлеровской агрессии. В нападениях на СССР, ГДР, на коммунистов, а заодно и инакомыслящих в собственной партии он ничуть не уступал христианским демократам. Правда, к концу жизни лидер СДПГ сместил акценты в своей критике в сторону западных держав, но это лишь увеличило имидж его непредсказуемости и ненадежности как политического деятеля.

Крайне непоследовательным было отношение социал-демократов к идее и практике европейской интеграции. Официально СДПГ занимала антимиитаристские позиции, выступала против ЕОС и против «плана Шумана», однако для многих эта позиция была непонятна. Тот же Гаус вспоминает, как тяжело он, двадцатилетний юноша, переживал провал ЕОС: его угнетала альтернатива – создание национальной армии. Единственный выход он видел в подчинении армии ФРГ юрисдикции НАТО – по принципу выбора из двух зол меньшего¹⁷. Принципиальное отрицание «самостоятельности» государства в военной области между тем давало – оппонентам и справа, и слева – основания для обвинений в антинациональной позиции. Кстати, определенные вопросы остаются и в этом плане и к «левым» в современной ФРГ.

Дальнейший путь СДПГ в политике был также не свободен от колебаний и непоследовательностей. Не буду останавливаться на сложной траектории, которая привела СДПГ к признанию германских реальностей и заключению «восточных договоров», – этому посвящен доклад автора статьи на конференции «Холодная война и разрядка»¹⁸. Стоит лишь добавить то, что относится к более позднему периоду, когда встала задача осуществления этих договоров, наполнения их реальным содержанием. Крайне отрицательную роль для СДПГ сыграли противоречия в ее руководстве (в треугольнике Брандт – Шмидт – Венер), в частности по вопросу о германо-германских отношениях. Так что замечание Гауса о том, что у «левых» в ФРГ был некий дефицит «чеканных и понятных» позиций в национальном вопросе можно считать еще слишком мягким.

В еще большей степени этот упрек можно отнести к той части немецкого «левого» спектра, который был представлен немецкими коммунистами и «реальным социализмом» в ГДР. Формально КПГ, а позднее СЕПГ заявляла о своей приверженности программе создания «единой, демократической, независимой, миролюбивой Германии». Не было недостатка и в разоблачительной риторике по адресу западногерманских раскольников, сепаратного «боннского государства» и совершаемого там «национального предательства». Однако на практике эта пропаганда подрывалась фактами явной зави-

¹⁷ *Über Deutschland und die Deutschen*, S. 53–54.

¹⁸ См. А. М. Филипов. *Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы*. Отв. ред. П. И. Егорова, А. О. Чубарьян. Т. 1. М., 2003. с. 163–186.

симости СЕПГ и ГДР от указаний советских «друзей». Взятый на вооружение в 1951 г. лозунг «Учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать» выражался порой в весьма уродливых формах: к примеру, школьники должны были учить с трудом переведенный на немецкий язык «Кошкин дом» Маршака вместо сказок братьев Grimm.

Каково было отношение советской стороны к этим извращениям со стороны особо рьяных проводников «равнения на СССР» и вообще к национальной проблематике в послевоенной Германии? Прежде всего, советское руководство, особенно при Сталине, явно переоценивало возможности мобилизации патриотических чувств немцев против главного противника – «англо-американских поджигателей войны», недоценило факт глубокого кризиса «национальной идеи» в послевоенной Германии. Лишь начиная с 1954 г. в закрытых материалах о ситуации в ФРГ начинают появляться признания влияния «европейской идеологии» на массы немецкого населения.

В период примерно между мартом – июнем 1953 года можно отметить возрастание надежд у постсталинского «коллективного руководства» на то, что оживление кампании за объединение Германии может принести определенные политически дивиденды и что ради этой цели можно пожертвовать своим форпостом в лице ГДР. Массовое движение против режима, достигшее апогея 17 июня 1953 г., привело однако к резкой переоценке немецкого национального фактора. Из потенциального союзника он превратился в противника. Именно так можно объяснить почти истерическую реакцию ЦК КПСС на публикацию в «Литературной газете» стихотворения И.Бехера «Германия». Оно получила характеристику «фашистской вылазки».

Попытки серьезного объективного анализа обстановки в ГДР и характера политики ее руководства в национальном вопросе оказывались не востребованными. Примером может служить эпизод с обращением в ЦК КПСС сына известного немецкого художника, советского гражданина Я.Г.Фогелера¹⁹. В своем письме, датированном 26 июня 1953 г. и написанном по свежим следам явно потрясших его событий в ГДР, не подвергая прямо сомнению официальную трактовку событий как «фашистского путча, организованного Западом», он тем не менее буквально закликает тех, к кому обращается – высшее советское руководство: «ничего не может быть ошибочнее, как свести дело только, исключительно к (разоблачению) диверсии агентов, засланных из Западного Берлина, только и исключительно к деятельности американских агентов». Проблема заключается в том, дает он понять, что население республики утратило доверие к руководству, которое демонстрирует очевидный разрыв между словом и делом, конкретно – между заверениями о желании преодолеть раскол Германии и реальной тенденцией принять это рас-

¹⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 54, лл. 129–141.

²⁰ *Добавлено от руки.*

кол как свершившийся факт. «(Почти)²⁰ ни один из тех товарищей, с которыми я сталкивался, не верил, не допускал даже возможность объединения Германии». Едко и зло автор письма воспроизводит стандартные доводы этих «товарищей» о ситуации в Западной Германии: «Там американцы и фашисты, шумахеровцы и Аденауэр. Пока они там – ничего сделать нельзя. Конечно, надо говорить об объединении, пропагандировать его, но главное, единственное, что мы можем делать в ГДР – это укреплять ГДР, строить в ГДР социализм».

Такая позиция, дает понять Я.Фогелер, характерна и для лидеров партии – В.Пика и В.Ульбрихта; свои надежды он связывает с представителями молодого поколения партийцев, называя конкретно, в частности, имя Э.Хонеккера. В этом отношении автор письма, как мы увидим, сильно ошибся: Хонеккер, став (с 1971 г.) первым лицом в ГДР, пошел даже значительно дальше своего предшественника Ульбрихта в подчеркивании «самобытности» ГДР и отказе от идеи единой немецкой нации.

Письмо Я.Фогелера, судя по всему, вызвало некоторое замешательство у тогдашнего куратора германских дел в аппарате ЦК КПСС И.В.Кабина. Тот вначале отправил в «Секретариат т. Хрущева» стандартную отписку: «Письмо т. Фогелера не требует принятия каких-либо мер и его можно сдать в архив», но затем вынужден был вернуться к ее рассмотрению. После состоявшейся 11 июля 1953 г. личной беседы с автором, он сочинил следующий шедевр партийно-бюрократического «новояза»: «Некоторые факты заслуживают внимания, но они известны и не вносят чего-либо нового. Ряд фактов, относящихся к оценке положения в ГДР, во многом не соответствует действительности. Тов. Фогелер согласился с этим»²¹. Оставалось неясным, что же все-таки, по мнению партийного функционера, следовало отнести к категории известных фактов, а что – к числу «не соответствующих действительности» (таковые, собственно, нельзя было называть «фактами», но и «домыслами») Кабин их назвать не решился – тем более, что сам в незадолго до этого составленной записке подверг критике руководство СЕПГ/ГДР за уход в изоляцию).

²¹ *Там же. Л. 141.*

В июле 1955 года устами первого лица в КПСС и СССР – Н.С.Хрущева было заявлено, что объединение Германии – это дело исключительно самих немцев, а не четырех великих держав, и что при его осуществлении должны быть сохранены «социалистические завоевания» трудящихся ГДР (даже при Сталине формулировки, предусматривавшие перенос практики ГДР на всю Германию вычеркивались из проектов дипломатических документов, поскольку было ясно, что они будут восприняты как доказательство несерьезности советских инициатив). Затем все четче стала проводиться мысль, что ничего плохого по крайней мере для внешнего мира суще-

ствование двух германских государств с собой не несет. В известной степени логическим следствием из этой посылки в СССР на самом высшем уровне (но, разумеется, в строго секретном порядке) начала обсуждаться возможность не только германской двугосударственности, но и двунациональности.

Интересная информация на этот счет имеется в личном архиве видного советского дипломата, крупнейшего специалиста по германским делам В.С.Семенова. В дневниковой записи за 6 июня 1964 г., описывая проходившее за день до этого обсуждение «в узком кругу» проекта речи Н.С.Хрущева на «митинге дружбы» по случаю подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ГДР, он отмечает, в частности: «Вчера я сидел все время молча и записывал замечания. Но во время чтения речи на митинге сделал поправку к одному месту, касавшемуся нац(ионального) вопроса в Германии. Смысл поправки состоял в том, что надо учитывать факт формирования новой социалистической нации в ГДР. Лебедев и Трояновский зашикали, что это «чепуха какая-то». Я возразил спокойно, что это не чепуха. Он (видимо, имеется в виду Хрущев, или «хозяин», как именовал его Семенов – А.Ф.) вступил в спор и, когда я заметил, что в Австрии сложилась отдельная нация, хотя австрийцы входили в прошлом веке в союз германских государств, он переспросил: «В Австрии?!». Аджубей возразил: «Может быть, это и верно, но так сказать – непolitично». И меня завалили»²².

В тексте речи Хрущева действительно тезис о «социалистической нации» в ГДР не присутствовал, зато содержалась другая новация – он объявил неприменимым для Германии принцип самоопределения наций. Собственно, и ранее в неформальных разговорах с западногерманскими журналистами с советской стороны нечто подобное высказывалось. Видный советский, а затем и российский дипломат Ю.А.Квицинский вспоминает, например, ставшую «крылатой фразой» реплику второго секретаря посольства СССР в ГДР В.Н.Белецкого редактору газеты «Курир» Райссу, отпущенную в ходе острой перепалки после инцидента с гибелью у берлинской стены одного из жителей Берлина – П.Фехтера в августе 1962 года: «Немцы сожгли свое право на самоопределение в печах Майдапека и Трешлинки».²³ Надо сказать, такая трактовка раскола немецкой нации, как некоего «наказания» за вину немцев, допустившего фашизм и ответственных за его преступления, находила известное понимание и даже поддержку в леволиберальных кругах ФРГ – и в отражающих их позицию исторических трудах²⁴. Однако для широких масс она была неприемлема, хотя бы уже потому, что подрастало новое поколение, которое никак не могло и не должно было отвечать за грехи родителей. По иной причине она была неприемлема и для руководства ГДР: в своей пропаганде оно утверждало, что трудящиеся Восточной Германии уже осуществили акт самоопределе-

²² Автор выражает благодарность Е.В.Семенову за предоставленную возможность ознакомиться с текстом дневников его отца и разрешение их цитировать.

²³ Квицинский Ю.А. *Время и случай. Заметки профессионала*. М., 1999, с. 227.

²⁴ См. Foschepoth J. *Einleitung // Adenauer und die deutsche Frage*. Hg. von J. Foschepoth. Göttingen, 1988, S. 10–11.

ния, а западногерманским соотечественникам это еще сделать мешают западные оккупанты и собственные монополисты; хрущевское же высказывание путало им все карты.

Разумеется, пока Хрущев оставался у власти, его формулу никто не решался оспорить, однако вскоре после Октябрьского пленума ЦК КПСС, ее в ГДР опять-таки, разумеется, в закрытом порядке подвергли резкой (и в общем, обоснованной) критике. Отвергнутой была однако (с куда меньшими основаниями) и та осторожная позиция по вопросу о «социалистической нации» в ГДР, которой, как мы видели, придерживались помощники Хрущева, да, видимо, и он сам. Трудно сказать, взяли ли немецкие друзья эту идею от Семенова или дошли до нее сами, но разрабатывать и пропагандировать они ее стали с присущей немцам основательностью.

Жесткость этой новой линии вызвала даже некоторые сомнения со стороны ЦК КПСС. В переданных руководству СЕПГ замечаниях к проекту Отчетного доклада VIII съезду СЕПГ по этому поводу говорится следующее:

«На наш взгляд, целесообразно уточнить фразу на стр. 38, где излишне категорично утверждается, что «на немецкой земле сегодня существуют две принципиально разные нации: развивающаяся социалистическая нация в ГДР и буржуазная нация в ФРГ». Вернее было бы провести такую мысль: две части расколотой немецкой нации развиваются в противоположных направлениях. В ГДР развивается социалистическая нация, а народ ФРГ, который находится под господством монополистической буржуазии, существует как буржуазная нация»²⁵.

Эти критические замечания остались без ответа. Все более форсировался курс на «размежевание» с ФРГ, – вплоть до отказа даже от словесной приверженности делу единства Германии и старательного вычеркивания везде, где это было возможно, слов «германский» и «Германия». Примеры многочисленны: Германская академия наук стала Академией наук ГДР. Немецкий Культурбунд – Культурбундом ГДР и т. д. Не без воздействия со стороны ГДР и Группа советских войск в Германии была также переименована – в Западную группу войск. Из новой конституции ГДР, принятой в 1976 г., были вычеркнуты все упоминания о борьбе за единство нации. Заметим: свое крайнее выражение это курс нашел именно при новом, хонеккеровском руководстве ГДР – а ведь именно Хонеккера, как мы видели, даже достаточно сведущие люди считали лицом самым «озабоченным» из всех прочих деятелей СЕПГ делом германского единства.

Уже упоминавшийся выше Ю.А.Квицинский в своих мемуарах придерживается точки зрения диаметрально противоположной, а именно той, что не Хонеккер, а его предшественник, фактически им низвергнутый, Ульбрихт, придерживался более адекватной позиции

²⁵ Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv, DY 30/ 3530, Bl. 177. К сожалению, текст на русском языке, сохранившийся в фондах бывшего партийного архива СЕПГ, не содержит указаний на дату его возникновения или передачи немецким «друзьям».

в германском национальном вопросе. Прочитируем его высказывание на этот счет:

«Далеко глядел Ульбрихт и в национальном вопросе. Он считал недопустимым для СЕПГ снимать вопрос о воссоединении. В то время как наши теоретики во главе с В.С.Семеновым в 60-е годы бросились доказывать, что в ГДР складывается новая социалистическая немецкая нация и вопрос о воссоединении теряет всякую актуальность, даже более того – вреден, отвлекая внимание граждан ГДР от магистральной перспективы развития, Ульбрихт упорно гнул свою линию. Разумеется, он не хотел никакого воссоединения, прекрасно сознавая, что ГДР будет подмята ФРГ. Но, понимая взрывоопасность национального вопроса в условиях Германии, он упорно выстраивал всякого рода политические схемы воссоединения – то путем выборов в паритетный общегерманский парламент, то путем создания немецкой конфедерации, то организуя в составе своего правительства статс-секретариат по общегерманским делам. Он не хотел выпускать и саму эту проблему, и политическую инициативу в германском вопросе из своих рук, считал необходимым в случае любого обострения национальных дел иметь продуманную до деталей и инициативную схему действий. В этом он был глубоко прав. Имей мы вместе с СЕПГ в 1989 году такую схему, кто знает, как повернулось бы дело, не сумела ль бы ГДР вырулить на ту или иную форму конфедерации с ФРГ»²⁶.

²⁶ Квицинский Ю.А.
Цит. соч., с. 214.

При всем уважении к опыту и знаниям мемуариста, трудно разделить его оценку. Можно начать с деталей. Что это за «паритетный общегерманский парламент»? Идея паритетности представительства от ГДР и ФРГ в каких-либо общегерманских органах была абсолютно нереалистична и отвергнута еще при Сталине. Статс-секретариат по общегерманским делам был в феврале 1967 года, еще при Ульбрихте, переименован в статс-секретариат по западногерманским делам, а это уже выражало тенденцию к «отграничению». Но даже если считать, что Ульбрихт хорошо маскировал свое неприятие воссоединения (к этому по сути и сводится комплимент в его адрес), то, отвлекаясь от моральных критериев, очень сомнительно, чтобы политика, основанная на обмане, могла быть успешной в долгосрочной перспективе. Она могла быть успешной и даже была успешной, пока и поскольку другая сторона, западная, тоже вела двойную игру и столь же мало хотела единства Германии на компромиссной основе, как и восточная. Но уже со времени социал-либеральной коалиции Брандта–Шееля это положение стало меняться, а к 1989 году оно изменилось кардинально и никакие пропагандистские уловки уже не могли спасти ГДР.

Остается вопрос, редко ставящийся, но исторически вполне оправданный: не был ли курс на «отграничение», не была ли концепция «двух немецких наций» не только более честным, но и более оп-

²⁷ Квицинский Ю. А., цит. соч., с. 210. Кстати сказать, такая характеристика довольно спорна. Председатель КИПГ М. Рейман в доверительном порядке говорил об «очень опасных националистических и шовинистических неясностях» в ультрарепарационной ГДР (РГАНИ, ф. 5, оп. 50, д. 487, л. 26)

²⁸ Mayer T. *Kontroversen zur deutschen Frage// Handbuch zur deutschen Einheit.* S. 504.

²⁹ По новейшим расчетам немецких исследователей, в расчете на душу населения репарационные изъятия и прочие расходы, связанные с оккупацией, для ГДР составили сумму в 1008 долларов, для ФРГ – 687. Разница не столь уж велика, чтобы ей можно было объяснить прогрессирующее отставание экономики на Востоке. Заметим, что в последние годы существования ГДР за счет поставки дешевых энергоносителей она получала фактическую субсидию от СССР в размере 3,3–4 млрд. долларов в год. См. *Von der SBZ zur DDR.* Hg. H. Mehringer. München, 1995. S. 238. *Die SED – Herrschaft und ihr Zusammenbruch.* Hg. E. Kuhn et al., Opladen, 1996. S. 401.

равданным и потенциально более эффективным – с точки зрения сохранения ГДР как государства – политическим выбором? Может быть, роковую роль сыграли как раз отступления от этого выбора, непоследовательность в его проведении? Здесь можно привести массу примеров – начиная от ориентации на западные кредиты и сращивание предприятий ГДР с концернами ФРГ до лозунга «партнерства в области безопасности» с западным соседом. Как раз в отношении развития связей с Западной Германией Ульбрихт проявлял осторожность, а о Хонеккере можно с известным основанием сказать, что он в какой-то момент потерял бдительность. Может быть, Хонеккер был больше националистом, чем коммунистом, и во всяком случае меньшим интернационалистом, чем Ульбрихт, который, по свидетельству того же Ю. А. Квицинского, «никогда не скрывал, что интересы Советского Союза в конечном счете для него выше интересов ГДР».²⁷ И наконец, в чисто теоретическом плане: почему ГДР не могла повторить пример Австрии, как это имел в виду Семенин (и не только он, но и канцлер Аденауэр – вопреки собственной риторике о «воссоединении»)??²⁸

Вопросы это очень большие, сложные. Аргументы можно найти в пользу разных ответов. Можно, например, упрекать Хонеккера за то, что он попался на «золотой крючок», подкинутый ему Западом, но в условиях, когда Советский Союз сам испытывал экономические трудности и не мог оказывать помощь ГДР в прежних объемах, а тем более увеличить ее, была ли у него иная альтернатива? Можно упрекнуть его в иждивенчестве, даже шантаже в адрес СССР, но ведь и Ульбрихт в 1960–1961 буквально «брал за горло» Хрущева, требуя экстренных товарных поставок и не постеснявшись косвенно упрекнуть СССР в том, что он чуть ли не подорвал экономику ГДР своими репарационными изъятиями?²⁹

С другой стороны, очевидно, были использованы далеко не все возможности укрепления суверенитета ГДР по отношению к ФРГ (упомянем, в частности, идею обмена: ГДР признает принадлежность Западного Берлина к ФРГ, а та вычеркивает из Основного закона требование воссоединения, идет на уступки в сфере гражданства и т. д.). Рассмотрение этих альтернативных вариантов завело бы нас слишком далеко. Ограничимся сферой, профессионально близкой нам – «состязанию» двух германских государств в сфере историографии и о том, как это состязание сказалось на решении национального вопроса в Германии.

Речь идет, конечно же, не о сравнении количества исторических монографий и статей или их тиражей и даже не о их качестве и глубине исследовательской мысли. Речь идет о другом: «образе истории», который создавался у граждан в обеих частях Германии, и о том, насколько он легитимировал соответствующие социально-политические реальности в каждой из них.

Что касается ГДР, то самую краткую и одновременно емкую характеристику этого образа, вернее, образов, дал ее последний премьер, член ХДС и союзник Коля в процессе объединения Лотар де-Мезьер. Долгое время, отмечает он, граждан ГДР ориентировали на то, что подлинная история начинается либо с революции 1848 года, либо с Парижской коммуны 1871 года, а по существу сводится к истории германского рабочего движения «Для меня, – продолжает он, – достаточно рано стало очевидным, что такой редуцированный образ истории неизбежно несет с собой последствия для самоидентификации личности... Эта дефектность образа истории стала особенно ощутимой в ГДР конца 80-х годов, когда люди внезапно открыли ту историю, которая пришла к ним с книгой Энгельберга о Бисмарке, четырехсерийным телефильмом «Блеск Саксонии и слава Пруссии». На Унтер-деп-Линден вновь возпикла конная статуя Фридриха II, ранее спрятанная в Сан-Суси...»³⁰

Та смена парадигм, о которой пишет Л. де-Мезьер, – отход от презентистско – классового подхода в сторону обращения к темам более отдаленного прошлого и «героям», нетрадиционным для пантеона «рабоче-крестьянского государства», была продиктована сверху и началась еще в конце 70-х годов – с интервью Хонеккера, в котором он неожиданно поднял на щит книгу Ингрид Миттеншвай о Фридрихе II. Такое обращение к ранее «запретным» темам действительно нашло благоприятный отклик в населении, однако преследуемая при этом цель – нахождение новой основы для легитимации режима – достигнута не была.

Определенные шансы на политический успех внедрение такого нового исторического сознания могло бы иметь место разве только в случае превращения ГДР в федерацию (или даже конфедерацию) прежних «исторических земель» и развития соответствующих тенденций в другом германском государстве. Наличие у руководства ГДР планов восстановления существовавшего до 1952 г. территориального деления (земли вместо округов), а у некоторых западно-германских интеллектуалов – идей типа «Нация мертва, да здравствует регион!»³¹ говорит за то, что такие шансы расценивались достаточно высоко. В ретроспективе, однако, следует сказать, что речь шла о явном смещении желаемого и возможного. Апелляция к традициям Пруссии или Саксонии никак не способствовала созданию традиции, оправдывающей существование *Германской* Демократической Республики, а «регионализм» в ФРГ не стал альтернативой национальному сознанию, которое нашло достаточно адекватное выражение в формуле «конституционного патриотизма»³².

«Конституционный патриотизм» сыграл, правда, и известную негативную роль в процессе объединения Германии. Из-за него, в частности, был заблокирован вариант создания новой конституции для объединенной Германии. Большинство рассудило просто: раз у нас есть такой Основной закон, которым мы гордимся и благодаря

³⁰ *Über Deutschland und die Deutschen*, S. 78–79.

³¹ *Mommsen H. Die Nation ist tot. Es lebe die Region // Knopf G. et al. (Hg.) Nation Deutschland? Paderborn, 1984. S. 35ff.*

³² *Sternberger D. Verfassungspatriotismus // 25 Jahre Akademie für Politische Bildung. Tutzing, 1982. S. 76–87.*

которому идентифицируем себя как граждане, то зачем нам его менять? Эта в принципе понятная установка создала однако определенные трудности в укреплении национального единства после того, как было установлено единство государственное. Есть даже мнение, что этому единству после объединения нанесен больший ущерб, чем за годы существования двух германских государств. Отчуждению между «весси» и «осси», как соответственно называют жителей «старых» и «новых» земель, способствуют и такие методы «преодоления прошлого» как поголовные преследования бывших сотрудников госбезопасности ГДР и претензии бывших владельцев собственности на отчужденную у них в ГДР собственность. Резкая и односторонняя критика соответствующих феноменов в истории ГДР, как и вообще всей истории этого государства и общества к востоку от Эльбы и Верры после 1945 года – резкий контраст с гораздо более разнообразными трактовками куда более неприятных периодов германской истории³³ – скорее является помехой, чем подспорьем в преодолении этого наследия. Надо надеяться, что и здесь со временем возобладает плюрализм и объективность, что будет стимулировать укрепление единства немецкой нации и ее здорового национального сознания.

³³ Даже в «Третьей рейхе» некоторые историки, при всем осуждении его внутренней и внешней политики, склонны видеть и некие по сути своей позитивные элементы: тенденции к модернизации, эгалитаризму и даже демократизации – хотя, разумеется, и в «извращенной форме» (Zitelmann R. Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. Stuttgart, 1990). Еще более позитивную характеристику получает порой «Второй рейх».